

Но даже по отношению къ самому себѣ, къ практической программѣ собственной жизни въ духѣ исповѣдуемаго ученія, Толстой обращался къ твердымъ догмамъ, къ формуламъ, добытымъ разсудочно, и усердно провозглашалъ теорію хозяина и работника. Эта теорія была какъ бы крѣпкимъ мостомъ, по которому можно было идти, не сбиваясь въ сторону, и различая ее самымъ обыкновеннымъ простымъ взглядомъ.

Но дѣло не могло ограничиться этой простой формулой въ виду одного того, что предпосылкой всего являлось утвержденіе чисто мистического характера, что основной завѣтъ жизни, божественная стихія ея—Любовь—въ рамки обычныхъ реальныхъ долженствованій человѣка не укладывалась, а звала его куда-то въ безконечность отъ того виноградника, въ которомъ работникъ долженъ былъ послушно исполнять свою работу. Категорическій императивъ для Толстого не былъ дѣйствителенъ, онъ исповѣдовалъ восторгъ и сіяющую радость сердца, экстазъ, которому нѣть мѣста при властованіи точного и холоднаго морального императива.

Вѣдь идею служенія людямъ и добра онъ могъ позаимствовать изъ источниковъ столь обильныхъ, что ихъ искать нечего было. Но писателя очевидно не удовлетворяла только